

Марианна

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1971. С. 66 - 70.

- Удивительное дело, господа, как глупа бывает иногда зеленая юность, - сказал задумчиво наш хозяин. - Боже мой! Если бы теперь к нашей опытности старых грешников да прибавить тогдашнюю силу, смелость, тогдашнюю пылкость желаний! Что бы это такое вышло! Подумайте только: как часто мы сослепу лезли на стены крепости в то время, когда ее ворота были гостеприимно растворены настежь. Сколько раз мы принимали за суровый отказ самые решительные авансы... И я не сомневаюсь, что каждый из нас проходил с разинутым ртом мимо сотни милых, веселых приключений, которые оставили бы на всю жизнь нежные воспоминания! Говоря это, он тихо раскачивал в вольтеровском кресле свое массивное тело с огромным животом, и его глаза, щурясь от дыма сигары, мечтательно улыбались каким-то давно исчезнувшим образам.

Мы все хорошо знали, что Лев Максимович - этот знаменитый на весь Петербург обжора, игрок, гениальный творец и разрушитель всех анонимных акционерных обществ - был в свое время не последним специалистом по части женского вопроса. Поэтому мы ожидали услышать от него один из тех многочисленных пикантных рассказов, которыми он нас нередко угощал после своих великолепных обедов. И действительно он начал:

- Произошло это, господа, очень давно... Я только что окончил университет и отбывал воинскую повинность. Полк мне попался прекрасный, офицеры держались со мной вежливо и, насколько позволяла дисциплина, на товарищеской ноге. По крайней мере у меня и до сих пор сохранились к ним самые приятные чувства. Полк этот стоял в городе М., но не весь; каждый из четырех батальонов по очереди отправлялся на зиму в грязное местечко, которого я теперь и имени не упомяну. Находилось оно на границе, и по плотине, соединяющей оба государства, день и ночь ходили двое часовых.

Мой ротный командир - необыкновенно свирепый с виду, но очень добрый усач - однажды пригласил меня приходить к нему ежедневно обедать, но сделал это в очень оригинальной форме. Подозвав меня как-то после ученья к себе, он закричал, выкатывая сердито глаза:

- Ефрейтор Лаврищев! Ты явишься ко мне после ученья на квартиру! Я испугался, вытянулся в струнку и, держа под козырек, ответил:

- Слушаюсь, ва-ско-бродие...

По правде говоря, я думал, что мне предстоит длинная распека за невытянутый носок, за выпад, сделанный "не от сердца", или за какую-нибудь иную тонкость солдатской науки. Но я ошибся. Капитан принял меня очень внимательно, хотя и вращал глазами так же свирепо, как и всегда. Едва мы сели, как вошла его жена.

- Вот, Манечка, - сказал капитан, - представляю тебе нашего ефрейтора.

Ах, какая она была миленькая, эта Марианна Фадеевна! Лицо у нее было такое белое - именно не бледное и не матовое, а белое - и все как будто бы в рамке пышных, волнистых волос, цвета - ну, как бы вам сказать, - цвета рыжевато-го соболя. Кожа под ее тонкими, но пушистыми бровями слегка розовела, точно так же, как и края ладони, - признак, говорят, нервной натуры. Глаза темно-карие, того оттенка, который некоторые зовут рыжим, а другие - золотым, ласковые и дерзкие... А губы! Именно в губах и заключалось (по крайней мере для меня) все очарование ее лица. Я никогда потом в жизни не видал таких губ: выпуклых, прекрасно изогнутых, свежих и выразительных.

Она протянула мне руку. Странно, - для меня пожатие руки всегда говорит о человеке гораздо более, нежели его лицо, голос, походка и почерк. Для меня существуют: равнодушные, презрительные, обнадеживающие, скупые, сладострастные, вероломные, наглые, гордые - какие угодно пожатия. Рука Марианны - теплая, нежная, немного длинная и крепкая рука - сказала мне: "Я женщина и не обижаюсь, если на меня смотрят, как на женщину. Скорее мне это даже приятно". С первого же дня она установила между мной и собой игриво-легкие отношения. За обедом она уже повязывала мне вокруг шеи салфетку, называя меня "младенцем", хлопая меня по рукам, и так далее. В то же время ее дерзкие глаза смеялись, а яркие губы смущали меня.

Я ежедневно обедал у Завилковских и скоро сделался у них своим человеком. Она со мной совсем не стеснялась: заставляла меня держать ей мотки шерсти, посылала по разным своим поручениям, таскала меня за собой по лавкам в качестве провожатого и добровольного носильщика... Я целые дни проводил